

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Научная статья / Research article

Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг.

О.В. Шемякина

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева;
125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 9; shemiakina@yandex.ru

The Discussion about the Book “The People’s Will Party’s Journalism” by E.E. Kolosov in 1930–1932

Olga V. Shemyakina

Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia;
9, Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia; shemiakina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается дискуссия о книге Д. Кузьмина (Е.Е. Колосова) «Народовольческая журналистика» (1930), центральным вопросом которой была роль Н.К. Михайловского и Л.А. Тихомирова в журналистике и идеологии «Народной Воли». Данная дискуссия представляет интерес, так как в ней приняли участие одновременно и историки-марксисты, и старые народovolьцы, и бывшие эсеры в лице самого Колосова. Первая часть статьи посвящена биографии Колосова и анализу его книги в контексте историографии народничества 1920-х гг. В ней также рассматривается история появления и содержание критического «Послесловия» В.Н. Фигнер и причины ее резкой реакции на «Народовольческую журналистику». Особое внимание уделено отношению Фигнер и других старых народovolьцев к Тихомирову и его воспоминаниям, которые частично были изданы в 1920-е гг. На основе опубликованных работ и архивных материалов анализируются позиции в дискуссии старых народovolьцев (А.П. Прибылевой-Корба, М.Ф. Фроленко, А.В. Якимовой, П.С. Ивановской, Н.С. Русанова) и историков-марксистов (И.А. Теодоровича, Б.П. Козьмина, Б.И. Горева, П.И. Анатольева). В завершении рассматривается заключительный этап дискуссии, в рамках которого Е.Е. Колосов пытался отстоять свою точку зрения, прибегнув к языку политических обвинений, характерному для большевистской публицистики начала 1930-х гг. На материалах дискуссии автор предпринимает попытку выявить различия в подходах основных ее участников к изучению прошлого. Автор приходит к выводу, что историки-марксисты уделяли внимание преимущественно вопросам идеологии и генеалогии революционного движения. Фигнер и другие старые народovolьцы стремились сохранить память о революционном поколении 1870-х гг. с его особым практическим опытом, психологией и этикой. Все это Колосов пытался собрать воедино и, актуализировав собственные политические взгляды и исследовательские интересы, встроить их в непростой историографический контекст начала 1930-х гг. При этом в отличие от В.Н. Фигнер он не мог сохранять автономию по отношению к «марксистской» литературе и продолжал искать место своим убеждениям в современном контексте.

Ключевые слова: «Народная Воля», народничество, В.Н. Фигнер, историография революционного движения, Л.А. Тихомиров, советская историография, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, народническая мемуаристика, Н.К. Михайловский

Для цитирования: Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 448–467. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Abstract: The article considers the discussion of the book “The People’s Will Party’s Journalism” by D. Kuzmin (E.E. Kolosov). Its key question was the role of N.K. Mikhailovskii and L.A. Tikhomirov in the journalism and ideology of the “People’s Will”. The discussion is of interest because it involved Marxist historians, old populists, and former Socialist Revolutionaries (Kolosov himself). The first part of the article focuses on the biography of Kolosov and analyses his book in the context of the historiography of populism of the 1920s. The article then scrutinizes the origins and content of the critical “Afterword” by V.N. Figner and the reasons of her negative reaction to “The People’s Will Party’s Journalism”. The author pays a special attention to the attitude of V.N. Figner and other old revolutionaries to Tikhomirov and his memoirs which were published in an abridged version in the 1920s. On the basis of published and archival sources the author analyses the opinions of old revolutionaries (A.P. Pribyleva-Korba, M.F. Frolenko, A.V. Yakimova, P.S. Ivanovskaia, N.S. Rusanov) and Marxist historians (I.A. Teodorovich, B.P. Koz’min, B.I. Gorev, P.I. Anatol’ev). Finally, the article reviews the final stage of the discussion, when Kolosov strove to prove his point, using the language of political accusations, characteristic to the Bolsheviks’ journalism of the early 1930s. On the basis of the materials of the discussion, the author attempts to discern different approaches to the study of the past of all abovementioned parties. Marxist historians paid a special attention to ideology and genealogy of the revolutionary movement. Figner and other old populists sought to preserve the memory of the revolutionary generation of the 1870s with their distinctive practical experience, psychology and ethics. Kolosov was eager to combine his political views and research interests, putting them in a highly volatile historiographical context of the 1930s. Unlike Figner, Kolosov could not be indifferent to the Marxist literature, so he was trying to find a place for his politics in contemporary context.

Keywords: People’s Will, populist movement, Vera Figner, historiography of revolutionary movement, L.A. Tikhomirov, soviet historiography, Society of Former Political Prisoners and Exiles, populists’ memoirs, N.K. Mikhailovskii

For citation: Shemyakina, Olga V. “The Discussion about the Book ‘The People’s Will Party’s Journalism’ by E.E. Kolosov in 1930–1932.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 448–467. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Введение

История народничества была одной из самых обсуждаемых и неоднозначных тем в советской историографии и публицистике 1920-х – первой половине 1930-х гг. С одной стороны, делались попытки вписать народников с их героическим прошлым в предысторию большевизма. С другой – народническая тема приобретала опасную актуальность в связи с такими событиями, как коллективизация, борьба с «правым уклоном» и «кондратьевщиной», убийство С.М. Кирова. С середины 1930-х гг. официальной стала однозначно негативная оценка народничества, вследствие чего изучение этой темы было прекращено и возобновилось только в период «оттепели». Эта идеологическая сторона советской историографии народничества исследована в работах М.Г. Седова, А.И. Алаторцевой, В.Ф. Антонова, М. Юнге и др.¹

Историки-марксисты, выступавшие за или против присвоения себе народнического наследия, были не единственными участниками процесса формирования исторической памяти о народничестве в 1920–1930-е гг. Важной особенностью этого процесса было то, что он проходил при непосредственном участии самих деятелей народнического движения. Те немногие представители поколения революционеров 1870–1880-х гг., которые стали свидетелями революции и создания новой советской России, считали своим долгом сохранить память о народническом движении и об ушедших товарищах. Они издавали и переиздавали свои воспоминания, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между

¹ Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965. С. 246–269; Алаторцева А.И. Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 209–230; Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5–19; Юнге М. Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М., 2015. С. 301–363.

собой какие-то детали прошлого, активно обсуждая в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества. В итоге старым народникам удалось создать большой комплекс литературы, который можно назвать «коллективной автобиографией».

Третьим участником дискуссии были бывшие эсеры и анархисты, вступившие на революционный путь на рубеже XIX–XX вв. (среди них – Ф.И. Витязев-Седенко, Е.Е. Колосов, И.С. Книжник-Ветров, А.А. Боровой и др.), т.е. представители той части революционного движения, которая традиционно выступала в качестве преемника народничества. В 1920-е – начале 1930-х гг. им удавалось публиковать статьи, книги, сборники, несмотря на то что они подвергались репрессиям.

В 1930 г. выходит книга Е.Е. Колосова (псевдоним – Дмитрий Кузьмин) «Народовольческая журналистика». Она вызвала дискуссию, в рамках которой можно наблюдать уникальную ситуацию столкновения взглядов все трех сторон: бывших эсеров (Е.Е. Колосов), историков-марксистов (И.А. Теодорович, П.И. Анатольев, Б.И. Горев) и старых народовольцев (В.Н. Фигнер, А.П. Прибылева-Корба, М.Ф. Фроленко и др.). Анализ содержания данной дискуссии и посвящена настоящая статья.

Наибольший вклад в изучение истории дискуссии был внесен И.С. Вахрушевым, К.С. Юрьевым, Я.В. Леонтьевым и В.В. Блохиным. Ими был обнаружен ряд важных документов, проливающих свет на историю дискуссии и взаимоотношения между ее участниками². Отдельные попытки сформулировать суть и причины дискуссии можно встретить также в современной литературе о Н.К. Михайловском³. В настоящей статье на основе широкого круга архивных материалов делается попытка рассмотреть дискуссию в историографическом контексте 1920–1930-х гг., выявить цели и мотивы главных ее участников, особенности их подходов к изучению и изложению прошлого.

Е.Е. Колосов (Дм. Кузьмин) и его книга «Народовольческая журналистика»

Евгений Евгеньевич Колосов (1879–1937) в возрасте 19 лет вступил в Северный союз социалистов-революционеров. Занимался пропагандой, нелегальной журналистикой, неоднократно подвергался арестам. В 1905 г. принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. В 1906 г., бежав из тюрьмы, эмигрировал. За границей Колосов занимался в основном литературной деятельностью, изучая наследие Н.К. Михайловского – «властителя дум» народнической интеллигенции, который оказал сильнейшее влияние на становление личности Колосова (они были лично знакомы и состояли в переписке с конца 1890-х гг.)⁴. По воспоминани-

² *Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов, 1980. С. 155–157; *Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнер // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 464–465. *Блохин В.В.* На переломе 1881–1904: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. М., 2004. С. 22–27. *Блохин В.В., Соловьев Е.А.* Н.К. Михайловский и демократическое движение в России во второй половине XIX века: политическая доктрина и деятельность (к 175-летию со дня рождения) // Былые годы. 2017. № 4. С. 1448–1449.

³ *Зверев В.В.* Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н.К. Михайловского) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж, 2017. С. 88; *Блохин В.В., Милевский О.А.* «Кольцо сиротства» Н.К. Михайловского (идеолог народничества в личной жизни) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж, 2017. С. 68; *Зверев В.В.* Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 6–7.

⁴ *Шереметьева Д.Л.* Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период револю-

ям Е.Л. Олицкой, которая встретила с Колосовым в Суздальском политизоляторе в 1933 г., он «мог говорить о Михайловском часами», рассказывать «о его привычках, костюме, манере речи»⁵.

В 1909 г. Колосов вышел из партии эсеров. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. В 1916 г. Колосов вернулся в Россию, но на границе был задержан и выслан в Красноярск. Во время революции и Гражданской войны он вел активную политическую деятельность в Сибири, вернувшись в ряды ПСР. Он отстаивал эсеровские лозунги социализации земли и Учредительного собрания, яростно критиковал большевиков. На протяжении всей революционной эпохи Колосов продолжал быть идеалистом, убежденным народником и патриотом. «Будем же все бороться, будем с народом, во имя народа, понимает он нас или нет, идти на гибель за отечество, и мы спасем народ, спасем культуру, спасем цивилизацию, родину и свободу!»⁶, – писал Колосов зимой 1918 г. За время своей бурной журналистской работы в Сибири Колосов нажил себе личных врагов среди большевиков. Главными объектами нападок Колосова были Б.З. Шумяцкий (будущий руководитель советского кинематографа 1930-х гг.) и А.И. Окулов, которых он обвинял в аморальности, клевете и предательстве.

После окончания Гражданской войны Колосов переехал в Петроград и посвятил себя изучению истории революционного движения. Он написал множество статей и рецензий, книгу о Шлиссельбургской крепости, высоко оцененную самими шлиссельбуржцами. Колосов внес большой вклад в издание и изучение литературного наследия народовольцев и шлиссельбуржцев (Н.С. Тютчева, М.Ю. Ашенбреннера, М.Ф. Фроленко, М.В. Новорусского, Ф.Н. Юрковского). К сожалению, вклад этот остается недооцененным и до конца не известным, так как имя Колосова в редактированных им или при его участии изданиях могло отсутствовать. Так, в полностью подготовленном Колосовым издании воспоминаний М.В. Новорусского (1933) на титульном листе в качестве редактора значится Н.А. Морозов, взявший на себя эту роль по просьбе самого Колосова⁷. Анонимной осталась редакция «Записок семидесятника» Фроленко, в публикации которых Колосов также принимал участие, как это следует из его переписки⁸.

В 1925 г. Колосов был арестован вместе с женой Валентиной Павловной Колосовой, и с этого момента для обоих супругов началась бесконечная череда заключений и ссылок. В августе 1937 г. Колосов и его супруга были расстреляны по обвинению в контрреволюционной деятельности и реабилитированы лишь в 1989 г. В 1922 г. в автобиографическом предисловии к книге «Сибирь при Колчаке» Колосов писал о себе: «Моя жизнь прошла вся в революции, и если бы я ее снова начал, я встал бы на ту же стезю. Правда, теперь мы часто слышим сетования: – чего же ради мы боролись столько лет и для чего приносили такие жертвы? – Я понимаю такое настроение, но я чужд ему. <...> Я слишком свылся с мыслью, что на земле царит закон борьбы, и для меня нет жизни без борьбы, как нет борьбы вне революции»⁹.

Главной целью исследования Колосова «Народовольческая журналистика» было установление авторства анонимных статей в газете и «Летучем листке» «Народной воли», поэтому он скромно называл себя библиографом. Однако попутно в книге затрагивался и ряд принципиальных вопросов. Прежде всего, Колосов хотел пока-

ции и гражданской войны. Новосибирск, 2012. С. 37–94; Хроника двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. URL: memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/0.htm.

⁵ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 146.

⁶ Шереметьева Д.Л. Политические взгляды Е.Е. Колосова... С. 56.

⁷ Шикман А. Николай Морозов: мистификация длиною в век. М., 2016. С. 231.

⁸ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 520. К. 45. Ед. 19. Л. 2–2 об.

⁹ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 6.

зять влияние Михайловского на народовольцев, утверждая, что он был редактором газеты «Народная воля» с самого первого ее номера, т.е. с осени 1879 г., причем редактором наиболее влиятельным по сравнению с другими. Для подкрепления этого тезиса было необходимо развенчать традиционное представление о Л.А. Тихомирове как главном редакторе и авторе «Народной воли». Такую возможность Колосову предоставили его воспоминания, опубликованные в 1927 г. На их основе у Колосова сложился образ Тихомирова как человека, не способного к самостоятельному мышлению, который находился под влиянием идей Михайловского и транслировал их через свои статьи. Более того, как считал Колосов, идейное влияние Михайловского простиралось не только на Тихомирова, но и на всю партию.

В ходе своего библиографического исследования Колосов неоднократно прибегал к помощи старых народовольцев, в том числе и Фигнер, а наиболее значимую роль в подготовке книги сыграли А.П. Прибылева-Корба и А.В. Прибылев. Колосов даже писал, что его работу можно считать коллективной. Тем не менее в «Народовольческой журналистике» можно встретить и ряд критических замечаний в адрес народовольцев-мемуаристов. Так, Колосов упрекал их в идеализации Тихомирова, многократно ставил под сомнение отдельные факты и оценки, данные в их мемуарах, и саму ценность мемуарной литературы как достоверного источника¹⁰.

В книге была затронута также актуальная для историографии 1920–1930-х гг. тема «якобинских» тенденций в идеологии «Народной воли», роль которых Колосов старался преуменьшить. В этой части своей работы Колосов вступил в полемику с историками-марксистами – С.И. Мицкевичем, И.А. Теодоровичем и В.О. Левицким (Цедербаумом), которые, как отмечалось в книге, в своих построениях опирались на «якобинскую» передовую статью № 8–9 «Народной Воли», не учитывая, что она была написана В.С. Лебедевым под влиянием М.Н. Ошаниной (Оловенниковой) и отражала только ее взгляды, но не народовольцев в целом, а также приписывали авторство передовой № 2 Тихомирову, в то время как, по мнению Колосова, она была написана Морозовым¹¹. Скрытый за библиографическими замечаниями смысл этой полемики был хорошо понятен читателям, знакомым с дискуссиями о народничестве того времени.

Мицкевич писал, что предшественниками большевизма были «якобинцы-бланкисты» – П.Г. Зайчневский, П.Н. Ткачев, «ишутинцы», С.Г. Нечаев и левое крыло «Народной Воли», которые в своих программах предвосхитили идею захвата власти революционной партией, способной от имени народа провести социалистические преобразования¹². Подобный подход к истории революционного движения 1860–1880-х гг. был распространен в советской историографии и публицистике 1920-х гг. Однако среди историков-марксистов были и противники подобной «модернизации» народничества.

Финальной точкой столкновения двух позиций стала знаменитая дискуссия о «Народной воле» 1929–1930 гг., начало которой было положено статьей И.А. Теодоровича¹³. Выступая против представления о народовольцах как «либералах с бомбой», Теодорович утверждал, что они «опирались на массы» и боролись не только за политические свободы, но и за социализм, объективно являясь отражением интересов разоряемого капитализмом мелкого товаропроизводителя. Теодорович считал главной заслугой народников правильную постановку вопроса о революционной роли крестьянства, а также накопленный большой политический опыт, использо-

¹⁰ Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 34–39, 70, 71, 78, 107, 113, 115.

¹¹ Там же. С. 27, 43, 100, 110.

¹² Мицкевич С. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 3–26.

¹³ Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 7–53.

ванный затем большевиками. «Якобинские» мотивы в народовольческой публицистике также были взяты на вооружение Теодоровичем как оправдание разгона Учредительного собрания. Колосов же, напротив, старался показать народовольцев сторонниками идеи Учредительного собрания.

Меньшевик В. Левицкий (В.О. Цедербаум, брат Ю.О. Мартова) использовал отрывки из передовых № 2 и № 8–9 также для подтверждения якобинских тенденций в идеологии «Народной воли», однако в его построениях это обрело совершенно иной смысл. Несмотря на общий благожелательный тон книги, народовольцам был вынесен суровый приговор: они представляли интересы разночинной и дворянской интеллигенции и боролись с самодержавием за «утверждение своей личности и ее прав», лишь субъективно считая себя социалистами и борцами за народное счастье. Истинный – интеллигентский и либеральный – смысл движения, таким образом, скрывался за социалистической фразой, но все равно периодически давал о себе знать, в том числе и через якобинские мотивы в публицистике народовольцев¹⁴.

Таким образом, «Народовольческая журналистика», вышедшая в 1930 г., в разгар дискуссии о «Народной Воле», носила полемический характер, прятаясь за узкими библиографическими вопросами. Первоначальный текст книги готовился Колосовым, конечно, задолго до 1930 г. Однако начало дискуссии заставило автора заострить полемику с историками-марксистами, которые критиковали на одном фланге искусственное «возвышение» народовольчества до истоков большевизма, на другом – «меньшеvistское» «низведение» его к либерализму. С теми же противоположными полюсами спорил и Колосов, но с совершенно иных позиций.

«Послесловие» В.Н. Фигнер

Начало дискуссии вокруг «Народовольческой журналистики» содержалось уже внутри самой книги: она была издана с резко критическим «Послесловием» Фигнер. Первоначально книга предназначалась для издания в серии «К 50-летию партии Народная Воля» (1930) издательства Общества политкаторжан (далее – ОПК). Однако готовый текст категорически не устроил представителей Кружка народовольцев ОПК в Москве, а Колосов отказался его исправлять. Издательство ОПК согласилось напечатать книгу Колосова, но только вместе с комментарием, который и было поручено написать Фигнер¹⁵. Таким образом, «Послесловие» Фигнер было призвано отразить коллективное мнение Кружка народовольцев.

Фигнер и Колосова связывали личные отношения, их жизненные пути не раз пересекались в прошлом. Оба вышли из партии эсеров после разоблачения Азефа, вернулись в Россию из эмиграции в годы Первой мировой войны. В 1918 г. оба были депутатами Учредительного собрания и членами Общества «Культура и свобода». В 1923 г. Колосов сам обращался к Фигнер с просьбой написать предисловие к его книге о Шлиссельбурге¹⁶. Книга была издана с предисловием Морозова, но Фигнер откликнулась на нее восхищенной рецензией¹⁷. В одном из писем В. Фигнер от 1928 г. находим ее восторженный отзыв о выступлении Е.Е. Колосова, посвященном Михайловскому¹⁸. В 1925 г. Фигнер подписывала обращение во ВЦИК о смяг-

¹⁴ Левицкий В. Партия «Народная Воля»: возникновение, борьба, гибель. М.; Л., 1928. Глава I, IV.

¹⁵ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464; Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Д. 681 л. 1; Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об, 299–300.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 485. Л. 1–2.

¹⁷ Фигнер В. Новая книга о Шлиссельбургской крепости // Былое. 1924. № 24. С. 279–280.

¹⁸ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 444–445, 463.

чении участи Колосова и его жены¹⁹, помогала ему материально и при помощи своих связей пыталась облегчить его положение в ссылке²⁰.

Узнав о намерениях издательства, Колосов обратился к Фигнер с такими словами: «Я не стану возражать, если предисловие будет писать кто бы то ни было из членов редакции – коммунистов “Каторги и ссылки”: – пусть пишут, что им угодно! Но против Вашего предисловия при данных условиях, я категорически возражаю»²¹.

В 1920–1930-е гг. Фигнер довольно редко отзывалась на современную ей литературу о «Народной воле». «Полемика не мой жанр»²², – признавалась она. Однако выступить с критикой Колосова она посчитала важным. В письме к П.С. Ивановской Фигнер называла позицию Колосова в вопросе о роли Михайловского и Тихомирова «смертельным оскорблением всего прошлого» «Народной Воли», а его критику – «своим долгом перед погибшими товарищами». В этой связи она писала: «И сколько нервов потратила я! Нервов, п[отому] ч[то] все время, пока рукопись К[олосова] была в моих руках – кровь у меня кипела от гнева и раздражения от лжи, лжи, бессознательным источником которой было поклонение М[ихайловскому], нелепое и болезненное <...>, упрямое до крайних пределов»²³. О значимости полемики для Фигнер свидетельствуют и ее слова в письме к Б.П. Козьмину: «Я думаю, что, может быть, это последний случай, когда я скажу свое слово о “Народной воле”»²⁴. «Послесловие» тщательно готовилось Фигнер, по спорным вопросам она консультировалась с другими народолюбцами (Прибылевой-Корба, Морозовым), стремясь выразить коллективную точку зрения²⁵.

В «Послесловии» Фигнер подвергла книгу Колосова уничтожающей критике: «Легче было сделать вместо этой заупокойной новую работу на ту же тему. Здесь, что ни шаг, серьезнейшим тоном говорят вещи, совершенно не соответствующие действительности»²⁶. На уровне фактографии Фигнер была не согласна с тремя утверждениями Колосова. Она указывала, что А.Д. Михайлов не был редактором «Народной Воли», что передовая № 2 написана Тихомировым, а Михайловский не был редактором и не играл какой-либо значимой роли при издании первых номеров газеты (до лета 1880 г., когда он, действительно, был приглашен стать одним из редакторов). В чем же состояли принципиальные разногласия между Фигнер и Колосовым, вызвавшие столь резкую реакцию с ее стороны?

Книга Колосова построена на противопоставлении «хороших народников» (большинство Исполнительного комитета «Народной Воли» и Михайловский) и «плохих якобинцев» (Ошанина и Тихомиров). Казалось бы, здесь Колосов мог рассчитывать на поддержку Фигнер, так как отрицание стремления «Народной Воли» к захвату власти мы встречаем и в «Запечатленном труде», и в других ее выступлениях. Однако в «Послесловии» мы находим довольно неожиданную критику «неякобинства» Временного правительства и эсеров и их «преданности» идее Учредительного собрания, отсылающую к позиции самого Колосова в период революции:

Читаем в «Послесловии»: «<...> В некоем царстве, в некотором государстве совершилось падение монархии, образовалось временное правительство, но оно не

¹⁹ Хроника двух жизней...

²⁰ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 265. Л. 5–5 об.

²¹ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 485. Л. 5.

²² РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Ф. 265. Л. 6–6 об.

²³ Там же.

²⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 520. Картон 48. Ед. 89. Л. 1.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 82–83; Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 543. Оп. 4. Д. 1966. Л. 2–4 об.

²⁶ Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народолюбческая журналистика. М., 1930. С. 231–232.

объявляет республики... Что же мы, революционеры, хвалить будем? Вот настоящие широко-общественные деятели – не какие-нибудь якобинцы! Или, несмотря на народный вековой взгляд, что земля ничья, божья, и должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, несмотря на полувековой стон народа: «земли, земли!», в разгар революции, когда фактически он уже владел землей, – временное правительство, из боязни узурпировать права будущего народного представительства, не решается и не декретирует, что частная собственность на землю упраздняется... Что? Это не якобинство тоже наиболее соответствует истинно-революционному сознанию? <...>²⁷.

Эти слова скромно вынесены Фигнер в постраничные примечания. Видимо, она не хотела акцентировать внимание на этой теме, но ей не понравилась попытка Колосова выражать собственные политические взгляды за счет истории «Народной Воли».

«Послесловие» построено на другом противопоставлении – либералов и революционеров, легальной и нелегальной жизни, которое Фигнер формулирует преимущественно на уровне практики, а не идеологии. Ошибочность призыва Михайловского к союзу «Народной воли» с либералами Фигнер объясняла тем, что «нелегальные члены организации на практике знали, до какого предела эти лица идут или могут идти на рискованное дело, бывшее для нас самих обычным порядком дня»²⁸. Серьезной ошибкой Колосова Фигнер считала его одинаковый подход к изучению легальной и нелегальной публицистики: в последней авторы выражали не свою собственную точку зрения, а настроения всего коллектива революционной партии. Апофеозом противопоставления либералов и революционеров было сравнение образов жизни не имевшего определенных средств к существованию, ютившегося с семьей в маленькой квартирке Тихомирова и уважаемого Михайловского, который вел спокойный образ жизни обеспеченного легального публициста. Противопоставила Фигнер народолюбцев и Михайловского и по тяжести постигшего их наказания. С идеологической точки зрения Фигнер оценивала взгляды Михайловского как либеральные, так как он не был противником частной собственности на землю. Похожее отношение к Михайловскому мы находим в выступлении Фигнер на вечере, посвященном 25-летию со дня его смерти, в 1929 г.: «Для моего молодого фанатизма, он был слишком от мира сего, и я не могла принять его. Как человек – он был далек от меня»²⁹. Для Фигнер существовал сплоченный коллектив людей, решивших отдать и, действительно, отдавших свою жизнь в революционной борьбе. Между ним и остальным миром существовали четкие границы, которые Фигнер считала своим долгом оберегать.

В.Н. Фигнер и Л.А. Тихомиров

Вторым лейтмотивом «Послесловия» была защита Тихомирова. Фигнер утверждала, что Тихомиров не был якобинцем, искренне придерживался тех же взглядов, что и большинство народолюбцев, а в своей публицистике был рупором не Михайловского, а всего Исполнительного комитета (далее – ИК) «Народной Воли».

Для правильного понимания полемики вокруг роли Тихомирова обратимся к предыстории этого вопроса. Переход Тихомирова на сторону монархии был тяжелым ударом для его товарищей по революционному движению. Можно было подумать, что ренегатство Тихомирова должно было отразиться на воспоминаниях о нем. Однако в основном бывшие соратники Тихомирова, знавшие его по кружку «чайков-

²⁷ Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народолюбческая журналистика. М., 1930. С. 239–240.

²⁸ Там же. С. 268.

²⁹ Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. М., 1929. С. 483–484.

цев» и «Народной Воле», в своих мемуарах признавали его роль как главной интеллектуальной силы и литературного рупора ИК «Народной Воли», описывали его как умного, рассудительного, начитанного человека, убежденного и искреннего революционера, отмечая при этом его некоторые странности – шпиономанию и религиозность³⁰. Особняком стоят мемуары Морозова и Люботович, считавших Тихомирова человеком без прочных убеждений, а его репутацию наилучшего выразителя взглядов ИК мифом, которым народовольцы «гипнотизировали сами себя, а вместе с собою и публику»³¹. Но даже Люботович сочувственно писала: «Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно...»³².

Таким образом, вспоминая о Тихомирове, его бывшие соратники стремились описать его таким, каким они его знали и воспринимали в свое время, не позволяя его ренегатству затмить сохранившийся в памяти образ. Разумеется, они не могли не думать о последующем переходе Тихомирова на сторону монархии, однако в их мемуарах мы не найдем осуждения поступка Тихомирова, а лишь попытки разобраться в его причинах.

Однажды, в 1923–1925 гг., народовольцам пришлось даже выступить в защиту Тихомирова в полемике с Л.Г. Дейчем. В выступлении Прибылевой³³ тогда звучали те же мотивы, которые позже встретятся в «Послесловии» Фигнер – настойчивое утверждение неотделимости Тихомирова от всего ИК, его верности идеям народовольчества, отрицание его «якобинских» взглядов. Удивительным в истории этой полемики было то, что автором «Письма ИК к заграничным товарищам» с изложением планов захвата власти (декабрь 1881 г.), вокруг которого и разразился конфликт между Дейчем и старыми народовольцами, оказался все же именно Тихомиров³⁴. Но ни Фигнер, ни Прибылева об этом уже не узнали, так как подлинник письма был обнаружен только в 1960-е гг.

Дальнейшая история тихомировской темы связана с его собственным мемуарным творчеством. Первые воспоминания о революционном прошлом были написаны Тихомировым еще в конце XIX в. Тихомиров прожил в России вплоть до своей смерти в 1923 г., и уже в советское время им был задуман и частично реализован цикл мемуарных очерков «Тени прошлого», к чему его побудила, в том числе, публикация «Запечатленного Труда» Фигнер³⁵. Он лично позаботился о том, чтобы его рукописи сохранились для истории, передав их в Румянцевский музей.

В воспоминаниях Тихомирова критическую оценку получили и террор, и народническая идеология в целом, и личные качества его бывших соратников. Он подчеркивал свою идейную отстраненность от товарищей, рисуя себя сторонником государственного переворота и захвата власти. При этом Тихомиров позиционировал себя как наиболее осведомленного из оставшихся в живых участников революционного движения 1870-х – начала 1880-х гг. Надо также отметить, что его воспоминания советского периода несколько отличались от предыдущих и свидетельствовали о появлении у него в конце жизни интереса и симпатии к собственному революционному прошлому.

³⁰ Фроленко М. Комментарий к статье Н. А. Морозова «Возникновение Народной Воли» // Былое. 1906. № 12. С. 30–31; *Он же*. Записки семидесятника. М., 1927. С. 182–183; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1926. С. 117. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1921. С. 243–244.

³¹ Морозов Н.А. [Комментарии к статье М.Ф. Фроленко] // Былое. 1906. № 12. С. 27, 28, 31, 32.

³² Люботович О. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 64–65.

³³ Прибылева-Корба А. Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. 1925. № 6 (34). С. 80–81.

³⁴ Волк С.С. Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 178–185.

³⁵ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 504.

С 1924 г. началась публикация материалов из архива Тихомирова, и таким образом бывший редактор «Московских ведомостей» уже после смерти встал в один ряд с другими народниками-мемуаристами³⁶. Однако бывшие товарищи Тихомирова сразу же поставили под сомнение осведомленность автора и ценность его мемуаров. Очерк Тихомирова о Степане Халтурине был опубликован с комментариями Фроленко, который своими фактическими замечаниями рушил всю картину, созданную Тихомировым³⁷. Тот же Фроленко в специальной статье оспаривал описание Тихомировым попытки освобождения Войнаральского³⁸. Чарушин опубликовал письмо С.С. Синегуба к Тихомирову 1896 г., в котором он критиковал статью Тихомирова «Пропагандисты» в «Московских ведомостях» за искажение образа «чайковцев» и массу серьезных фактических неточностей. Написанное почти тридцать лет назад письмо Синегуба оказалось актуальным в связи с началом публикации архива Тихомирова, о чем Чарушин прямо пишет в своем предисловии³⁹.

В 1927 г. отдельной книгой были опубликованы воспоминания и дневники Тихомирова со вступительной статьей В. Фигнер, работа над которой далась ей нелегко⁴⁰. «Работа, в моих глазах, ответственная, и она у меня не ладится, п[отому] ч[то] материал громадный, сложный и для меня душепотрясающий»⁴¹, – писала она Новорусскому. Своими переживаниями Фигнер также поделилась с Чарушиным: «Материал как человеческий документ имеет большую ценность: меня он потряс и морально сделал больной. Это очень сложная история, к которой следует подойти не с тем отношением, какое возбудила его брошюра “Почему я перестал быть революционером?”»⁴². Фигнер также просила Чарушина, лично знавшего Тихомирова по кружку «чайковцев», прислать свое мнение о нем и его отступничестве⁴³. В процессе работы у нее возникла идея издания сборника с воспоминаниями о Тихомирове, в котором, кроме нее, должны были принять участие Н.А. Чарушин, А.Н. Бах и А. Прибылева-Корба⁴⁴.

Во вступительной статье к «Воспоминаниям» Тихомирова В. Фигнер пыталась разобраться в причинах его ренегатства: «заболел психически» или «всегда можно было ожидать»? Сама Фигнер первоначально придерживалась первой версии и объясняла случившийся с ним переворот сумасшествием, так же, как и Н.А. Чарушин⁴⁵, А. Прибылева⁴⁶ и А.В. Якимова⁴⁷. Однако прочтение дневников и воспоминаний Л. Тихомирова заставили Фигнер усомниться в собственной проницательности. Пойдя вслед за образом, созданным самим Тихомировым, и не пытаясь ему противопоставить собственные воспоминания, В. Фигнер нашла подкрепление и для второй точки зрения. Особое внимание она уделила рассказу Л. Тихомирова о своем детстве и юношестве, который показывал, по ее мнению, что в революционное движение он был втянут бессознательно.

³⁶ Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 124–194; Тихомиров Л. Плеханов и его друзья: из личных воспоминаний. Л., 1925; Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 139–174.

³⁷ Тихомиров Л. Тени прошлого: Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 82–96.

³⁸ Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 82.

³⁹ Письмо С.С. Синегуба Льву Тихомирову // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 80–85.

⁴⁰ Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 22–36.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 229.

⁴² Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 9; Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 11–19 об, 21–22.

⁴⁴ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 7–8.

⁴⁵ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 21–22.

⁴⁶ Там же. Д. 675. Л. 49, 72, 97–104.

⁴⁷ Там же. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 92 об.

В целом, можно сказать, что литературное наследие Тихомирова вызвало большой интерес у его бывших товарищей, так как они по-прежнему хотели понять и объяснить его переход на сторону монархии. В то же время содержание воспоминаний Л. Тихомирова об их общем революционном прошлом вызвало у старых революционеров внутренний протест, который они предпочли не выносить в публичное пространство. Так, Прибылева, прочитав первую публикацию воспоминаний Тихомирова в «Красном архиве» в 1924 г., в письме к Фигнер воскликнула: «Такой мерзости я все-таки не ожидала! Это насквозь прогнившая душа»⁴⁸. При этом в печати мнение Прибылевой никакого отражения не нашло. Сохранились также подробные замечания Фроленко на эту же публикацию, где воспоминания Тихомирова рассматривались с точки зрения их достоверности⁴⁹. Однако из них была опубликована лишь малая и не самая существенная часть. Фигнер в своем предисловии вопросов достоверности мемуаров Тихомирова не поднимала, сосредоточившись на его личной судьбе. Бережное отношение к памяти о Тихомирове и вся болезненность темы его ренегатства отразилась также и в той удивительной настойчивости, с которой бывшие соратники Тихомирова повторяли в переписке между собой невероятную версию о его сумасшествии.

С этой точки зрения резкая реакция Фигнер на книгу А.А. Колосова вполне объяснима. Она так и не смогла внутренне согласиться с той версией о личности Тихомирова, которая вытекала из его воспоминаний, и спорила не только с Колосовым, но и с самим Тихомировым и даже отчасти со своей вступительной статьей 1927 г. История с Тихомировым была для нее глубоким личным переживанием, но и была использована Колосовым для собственной цели – выявления роли Н.К. Михайловского в «Народной Воле».

Резкая реакция Фигнер, очевидно, удивила Колосова, так как ему казалось, что он опирался на ее работы. Отвечая Фигнер в журнале «Каторга и ссылка», он даже в доказательство своей позиции привел цитату из ее собственной статьи к «Воспоминаниям» Л. Тихомирова⁵⁰. Влияние работ Фигнер и Прибылевой заметно еще по тому значению, которое Колосов придал А.Д. Михайлову. Это было сделано, видимо, под впечатлением в 1925 г. как от воспоминаний Тихомирова, так и от сборника Фигнер и Прибылевой о Михайлове. Отрицание Колосовым якобинских мотивов в идеологии «Народной Воли» опиралось на «Запечатленный труд» и другие выступления Фигнер и Прибылевой. А попытка представить народовольцев пророками Учредительного собрания находит прямую аналогию со статьей А. Прибылевой 1918 г.⁵¹

Реакция старых народовольцев на книгу Е.Е. Колосова

Кроме Фигнер, в дискуссии приняли участие и другие старые народовольцы, чье мнение не было отражено тогда в печати, но отложилось в архивах. Больше всего свидетельств сохранилось о позиции А. Прибылевой. По прочтении еще неопубликованного варианта «Народовольческой журналистики» она писала Фигнер: «Разумеется, что значение Михайловского преувеличено. Совершенно отсутствует влияние выдающихся людей, окружавших Тихомирова. Жаль, что потрачено столько труда и энергии»⁵². Книга Колосова побудила Прибылеву написать статью с личными воспоминаниями о Тихомирове и Михайловском, которая хотя не была опубликована.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 49.

⁴⁹ Там же. Д. 891.

⁵⁰ Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 115–116.

⁵¹ Прибылева-Корба А.П. Исполнительный Комитет партии «Народная Воля» и Учредительное собрание // Былое. 1918. № 4–5. С. 83–85.

⁵² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 85.

ликована (и сохранилась в письме к Фигнер)⁵³, но возможно была использована при подготовке «Послесловия», с которым уж очень близка по интонации.

Большая часть статьи была посвящена доказательству того, что причиной ре-негатства Тихомирова было его сумасшествие, вызванное целым рядом факторов и обстоятельств, а в народовольческий период он был искренним и убежденным революционером. О Михайловском А. Прибылева писала, что он не был настолько близок к «Народной воле», как это изображает Колосов, и приводила два эпизода. Первый связан с присутствием Михайловского на свадьбе Тихомирова:

«(...) Даже на этой свадьбе Михайловский держал себя не как товарищ и близкий человек, иначе он понял бы, что меньше всего следует поднимать шума по ее поводу. Но ему захотелось внести в это довольно бессмысленное торжество обычаи буржуазного празднования свадеб. В ресторане Палкина он спросил: «А где же шампанское?». В ответ на что Александр Михайлов открыл свой тощий кошелек, вынул из него десятирублевку, позвонил лакею и, вручая ему деньги, заказал бутылку шампанского. Это вино пришлось распить Михайловскому одному, потому что никто из народовольцев не пил шампанского. Вообще, можно сказать, что Михайловский в нашем обществе держал себя скорее барином, чем другом или товарищем»⁵⁴.

Второй рассказ повествует о том, как Прибылева уже после 1 марта обратилась к Михайловскому за финансовой помощью для партии, но получила отказ, мотивированный тем, что все свои средства тот тратит на обустройство собственной дачи в Крыму. В этой связи она писала: «Покидая дом, в котором жил Николай Константинович, я подумала, что преданный друг партии поступил бы иначе, но у всякого барона своя фантазия, и этого не переделаешь»⁵⁵. Таким образом, если Фигнер еще уделила какое-то внимание идеологическим расхождениям между Михайловскими и народовольцами, то в статье Прибылевой речь шла исключительно о разнице в образе жизни.

И все-таки «Послесловие» показалось Прибылевой слишком резким. Она писала В. Фигнер: «<...> Я скажу: “И он не прав, и ты не права”. Он галлюцинирует; и это неудивительно при тех тяжелых условиях, в которых он работает. А ты, моя дорогая Верочка, не отнеслась к его труду достаточно хладнокровно и спокойно»⁵⁶. Неприемлемым по форме показалось «Послесловие» Фигнер и П.С. Ивановской⁵⁷. По принципиальным соображениям она не вступала в ОПК и, проживая в Полтаве, была оторвана от жизни Кружка народовольцев. Судя по ее переписке, она была взволнована критикой Колосова, пыталась его защитить и даже написала по просьбе Фигнер замечания на ее «Послесловие»⁵⁸.

Очевидно, что «московские» старые народовольцы должны были выступить на стороне Фигнер, так как ее «Послесловие» было призвано отразить коллективное мнение московского Кружка народовольцев. Так, Якимова в письмах к Ивановской резко критиковала Колосова и писала о поддержке Фигнер: «С В[ерой] видимся мы очень редко, особой близости нет, в “единоверчестве” не состоим, но принимать участие в фальсификации прошлого обе одинаково не можем»⁵⁹. Фроленко на обсуждении доклада Колосова в ОПК в Москве решил отойти от персональной критики Колосова и выступил против навязывания народникам каких-либо идеологов – не только Михайловского, но и Ткачева, Бакунина, Лаврова. Он считал, что народ-

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 90–104.

⁵⁴ Там же. Л. 93–94.

⁵⁵ Там же. Л. 95.

⁵⁶ Там же. Л. 114.

⁵⁷ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об, 299–300; Там же. Д. 265. Л. 5–7 об.

⁵⁹ Там же. Л. 255 об.

ничество развивалось не на основе каких-то идей и влияния идеологов, а тех практических задач, которые ставились обстоятельствами: «Нас обвиняли в том, что мы бакунисты, другие в том, что мы лавристы, – все это чепуха. Мы были просто революционеры»⁶⁰.

Иную картину мы видим на обсуждении полемики Фигнер и Колосова в Кружке народовольцев в Ленинграде, где большинство участников принадлежали к более молодому поколению народовольцев, а позже – эсеров, для которых Михайловский как идеолог имел гораздо большее значение. Основным мотивом обсуждения стала защита Н.К. Михайловского. Критике подверглись не конкретные положения статьи Фигнер, а общая тональность, звучавшая в оценке Михайловского как хорошо обеспеченного легального публициста, чуждого конспиративной жизни «Народной воли». Выступавшие постоянно подчеркивали, что написание Михайловским статей для органа народовольцев, участие в его редакционных делах, в составлении письма Александру III свидетельствуют о большом мужестве публициста⁶¹. Прибылева, жившая в Ленинграде, также выступила на этом заседании и попыталась выразить срединную точку зрения:

«Кузьмин, конечно, преувеличил роль Михайловского в “Н.В.”, руководствуясь *bona fide* заранее взятой целью умалить значение Тихомирова, ставшего потом ренегатом. Сам Михайловский на такую роль никогда не претендовал. А В.Н. Фигнер в полемике с Кузьминым лишила Михайловского даже и заслуг, которые у него, несомненно, имеются и будут признаны за ним историей, как неоспоримые. Между тем истории не нужны ни чрезмерные похвалы, ни незаслуженные развенчания. Истории нужна только истина»⁶².

Критика «Народовольческой журналистики» историками-марксистами

В дискуссии о «Народовольческой журналистике» приняли участие также историки-марксисты, прежде всего старый большевик И. Теодорович. В 1920-е гг. он работал в Наркомземе на посту заместителя наркома, также был генеральным секретарем Крестинтерна и директором Международного аграрного института. С 1928 г. Теодорович фактически возглавил ОПК, а со следующего года – редакцию журнала «Каторга и ссылка». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Теодорович подвергся резкой критике в ходе кампании против «кондратьевщины» и «чаяновщины» и был снят с поста в Наркомземе. В 1929–1930 гг. Теодорович был главным действующим лицом и объектом критики в ходе дискуссии о «Народной воле». Попытка Теодоровича воздать должное народнической вере в революционность крестьянства на фоне его связей с Н.Д. Кондратьевым и А.В. Чаяновым стали основанием для его обвинений в «правом оппортунизме» и «неонародничестве». Критике за «гнилой либерализм» подверглись также журнал и издательство ОПК. В конце 1930 г. в «Правде» было опубликовано «покаянное» письмо Теодоровича, однако оно касалось только его работы в Наркомземе. В споре о «Народной воле» он продолжал настаивать на своей правоте, столь же упорно он защищал издательство ОПК и журнал «Каторга и ссылка». В 1937 г. И. Теодорович был расстрелян по обвинению в участии в антисоветской террористической организации (реабилитирован в 1956 г.).

⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–2.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 19; *Блохин В.В.* На переломе... С. 22–27.

⁶² *Блохин В.В.* На переломе... С. 26; ОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. 29. Л. 1–5.

О крайне неравнодушной реакции Теодоровича на работы Колосова свидетельствует, прежде всего, объем его критической статьи – 100 страниц⁶³, а также эмоциональное письмо к В. Фигнер: «Когда я прочел ответ его на Ваше послесловие – я буквально несколько месяцев провел с лупой над каждой его строчкой. Под конец своей работы я был охвачен таким негодованием, что у меня дрожали руки...»⁶⁴.

Статья И. Теодоровича в основном была посвящена анализу идеологии Михайловского и трех течений внутри «Народной Воли», которые соответствовали трем вариантам судьбы мелкого товаропроизводителя (бабувизм, политический радикализм и предсоциалдемократизм, по терминологии самого Теодоровича). В итоге Теодорович пришел к выводу, что Михайловский не был социалистом, а лишь «правым утопистом», не верил ни в народ, ни в революцию, надеялся на государство, а не боролся с ним. Идеино его пути с «Народной волей», действительно, пересеклись, но только с ее самым правым «политрадикалистским» течением (в лице Морозова, Любатович), боровшимся исключительно за политические свободы. Высказывания Колосова, связанные с отрицанием якобинства народовольцев, были расценены Теодоровичем как завуалированная критика политики большевиков, разогнавших Учредительное собрание и проводивших социалистические преобразования «сверху». Значительная часть критики была также построена на разборе конкретных примеров «недобросовестного» использования источников, на некоторые из которых указывала и Фигнер.

Мотивы вступления Теодоровича в эту полемику ясны. В ходе дискуссии о «Народной воле» он настаивал на том, что народники и народовольцы были социалистами, и постоянно указывал на разницу между «старым» и «новым» (либеральным) народничеством, символом которого и был Михайловский. Идея Колосова о близости политических взглядов Михайловского и «Народной воли» компрометировала революционное народничество и была выгодна оппонентам Теодоровича. Кроме того, Теодорович воспользовался полемикой Колосова и Фигнер, чтобы взять себе в союзники одного из наиболее авторитетных представителей старых народовольцев, никто из которых, как известно, в дискуссии о «Народной Воле» участия не принял.

Еще более отчетливо политические мотивы в критике Колосова звучали у молодого историка П.И. Анатольева, который выступил на заседании в ОПК в Москве и написал рецензию на «Народовольческую журналистику» для журнала «Историк-марксист», которой автор обвинил Колосова в идеализации народовольцев и «эсеровщине»⁶⁵. Преувеличение влияния Михайловского расценивалось как попытка свести народовольцев к либеральному народничеству и сделать из них основоположников партии эсеров. В оценках Анатольева видно, как «генеалогический подход» большевистской историографии, мысливший историю революционного движения в категориях предшественников и последователей, натолкнулся на препятствие. Как и другие молодые историки, П. Анатольев критиковал попытки Теодоровича представить народовольцев предшественниками большевиков. Однако «отдать» «Народную Волю» с ее блистательным героическим прошлым эсерам было также, по его мнению, невозможно.

На заседании в ОПК Колосов подвергся критике со стороны Б.П. Козьмина – авторитетного исследователя истории революционного движения 1860–1870-х гг., фактического руководителя журнала «Каторга и ссылка», научного редактора изда-

⁶³ Теодорович И. По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. 41. Л. 1.

⁶⁵ Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 128–132; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 8 об. – 11 об.

тельства ОПК. Он привел множество примеров «перелицовывания действительности» и недобросовестного использования источников Колосовым. С большой тщательностью Козьмин подошел к вопросу о близости Михайловского к «Народной воле» на уровне идеологии. По мнению Козьмина, отношение Михайловского к террору было ближе Южно-русскому рабочему союзу, чем «Народной воле», так как он считал, что террор должен быть направлен против тех лиц, устранение которых будет понятно народу. Союз с либералами народовольцы рассматривали как тактически выгодный для себя, а Михайловский «старался доказать народовольцам, что они гораздо ближе к либералам, чем думают это сами». Неверие в народную революцию тоже было различным по своей сути: народовольцы не верили в ее осуществимость в ближайшее время, Михайловский не верил, что революция приведет к нужным результатам. Подводя итог, Козьмин отмечал: «Там революционеры – а здесь человек, который готов был использовать революционеров для своей личной цели, чтобы при помощи их заставить правительство пойти на уступки»⁶⁶.

С близкой позиции на заседании выступил Б.И. Горев – бывший меньшевик, автор работ по истории социализма, в том числе отдельной книги о Михайловском. Он также указал на различные ошибки и искажения в докладе Колосова и отметил принципиальное различие между народовольцами и Михайловским в их отношении к террору, который понимался последним как способ запугать правительство и вынудить его пойти на либеральные реформы. Такая позиция была близка лишь правому крылу «Народной воли». Горев отводил Михайловскому в «Народной воле» роль «околопартийного консультанта», приглашенного в качестве опытного литератора и «лучшего выразителя интеллигентских мнений Петербурга».

Завершение дискуссии

Несмотря на жесточайшую критику, Колосов продолжал защищать свою точку зрения. Он написал обстоятельный ответ на критику Фигнер, опубликованный в «Каторге и ссылке», посвященный в основном возражениям по поводу отдельных случаев «передержек» в использовании фактов и трактовке источников, указанных Фигнер⁶⁷. Однако дальнейшие выступления Колосова содержали новые мотивы и аргументы. В своей речи на заседании в ОПК⁶⁸ Колосов обратился к статье В.И. Ленина 1914 г. с признанием заслуг Михайловского, а взгляды Фигнер назвал меньшевистскими. Он, в частности, сказал:

«В 14-м году я слышал от Фигнер сам такую вещь: <...> “Если я кому-нибудь из соц. партий сочувствую, то это с.д. меньшевикам”. Вот две концепции: концепция Ленина с борьбой против ликвидаторов, привела к признанию всеми исторической роли Михайловского, и концепция Фигнер с признанием с.д. меньшевиков, прямо с ликвидаторским уклоном, привела к отрицанию Михайловского. Вы с Фигнер, я с Лениным»⁶⁹.

Когда Колосову было отказано в публикации ответа на статью Теодоровича, он обратился с письмом-заявлением в редакцию «Каторги и ссылки». По его собственной версии отказ в публикации был связан с появлением письма И.В. Сталина

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 2 об – 8.

⁶⁷ Козьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы...// Каторга и ссылка. 1932. № 1; РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об.

⁶⁸ По собственной инициативе Колосов выступил с докладом сначала на Кружке народовольцев, а затем – на заседании Секции по изучению истории революционного движения. Его доклад не стенографировался, но частично о его содержании можно судить по ходу обсуждения и заключительному слову Колосова, зафиксированному в стенограмме заседания. Фигнер на обоих заседаниях отсутствовала.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 14–14 об.

в журнал «Пролетарская революция» и тем, что редакция опасалась обвинений в «гнилом либерализме». Действительно, в начале 1930-х гг. на Теодоровича и журнал «Каторга и ссылка» обрушилась волна критики. Неожиданным образом Колосов решил воспользоваться этой кампанией и настоящим проявлением «гнилого либерализма» назвал публикацию работ Фигнер и Теодоровича. Фигнер он продолжал обвинять в меньшевизме, ссылаясь теперь уже и на «Запечатленный труд»⁷⁰, а Теодоровича – в отступлении от указаний Ленина, защите «плехановски-фигнеровской точки зрения на Михайловского», идеализации и реабилитации «рenegата и самого крупного из всероссийских подаванцев» Тихомирова⁷¹.

Однако Колосову так и не удалось добиться поставленной цели. Решением редколлегии ему было отказано в возможности напечатать ответ Теодоровичу⁷². Сам главный редактор, правда, был не против продолжения столь захватившей его дискуссии. Сохранилось письмо Теодоровича, где от имени редакции он предлагает Колосову опровергнуть все 106 (!) установленных им «случаев шулерства»⁷³. Однако затем по требованию Ем.М. Ярославского полемика была прекращена⁷⁴. Колосов, тем не менее, продолжал отстаивать свою точку зрения и в апреле 1932 г. выступил в Ленинграде с докладом о Тихомирове, в котором защищал свою позицию, однако снова не получил поддержки⁷⁵.

Возвращаясь к Фигнер, надо сказать, что роль союзника Теодоровича ее не устроила. В письмах находим крайнее возмущение его статьей: «Статья Теодоровича ужасна – это настоящее хулиганство и гаерство. Прямо стыдно! <...> Никогда еще наш журнал не печатал таких статей»⁷⁶. Судя по сохранившемуся черновику адресованного ей письма Теодоровича с дополнениями Козьмина, Фигнер все-таки попыталась защитить Колосова если не от содержащейся в статье Теодоровича критики, то хотя бы от той манеры, в которой она была написана. Однако даже авторитет Фигнер не заставил Теодоровича сложить оружия. В письме в свойственной ему крайне эмоциональной манере он пытался объяснить Фигнер необходимость в столь резкой критике, объяснив это борьбой с «общественным бедствием» – «литературным шулерством». Особое негодование Теодоровича и Козьмина вызвали заявления А.А. Колосова о меньшевизме В. Фигнер: «<...> В разговоре с т. Ярославским <...> он говорил, что Вы – контрреволюционная меньшевичка, а он – ленинец!!! Зрелище для богов!»⁷⁷.

Выводы

Современный исследователь истории реформаторского народничества В.В. Зверев, рассматривая дискуссию, считал, что в ее основе лежало «смещение понятий, когда социалистическими признавались только революционные взгляды»⁷⁸. По нашему мнению, сами подходы участников дискуссии были настолько разными, что их нельзя свести к какому-либо общему знаменателю.

На одном полюсе мы видим историков-марксистов, которые были заняты прежде всего вопросами идеологии и генеалогии революционного движения. Революционное и общественное движение домарксистского периода представлялось им как неодно-

⁷⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд... С. 283–284.

⁷¹ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. 40.

⁷² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 23.

⁷³ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 22.

⁷⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 10.

⁷⁵ Вахрушев И.С. Очерки истории... С. 156.

⁷⁶ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 2241. Оп. 1. Д. 133. Л. 2 об.

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. хран. 41. Л. 3.

⁷⁸ Зверев В.В. Идеал, но не идол... С. 88.

родное поле, в котором сосуществовали совершенно различные взгляды, но в еще непроявленном виде, вместе с недостаточно дифференцированной классовой структурой. Позже эти течения приобретали более четкие очертания. Подобный взгляд постоянно приводил к пересмотру (своеобразной модернизации) истории революционного движения, которое рассматривалось через призму современности. Работу А.А. Колосова историк-марксисты расценили как «эсеровщину», то есть как ту же модернизацию, только с иных политических позиций. Даже Горев, которого принято считать одним из наиболее «объективных» историков революционного движения 1920-х гг., на заседании в ОПК воспринял выступление В. Фигнер против преувеличения роли Михайловского в «Народной Воле» как способ политического самоопределения: «Я думаю, что Фигнер в этом вопросе безусловно права, потому что из группы “Русского Богатства”⁷⁹ вышли те Н.С.⁸⁰, которые возглавляют все белое правительство. Фигнер нельзя к ним относить, и она имела полное основание отречься от них»⁸¹.

Противоположный подход можно встретить у самой В. Фигнер, для которой история «Народной Воли» представляла самостоятельную ценность вне ее связи с другими идеологиями, партиями и последующими событиями. Ее целью было сохранение памяти о революционном поколении 1870-х гг. с его особым практическим опытом, психологией и этикой. Фигнер не просто фиксировала прошлое, а постоянно находилась в процессе его детального изучения и осмысления. Свою литературную работу она воспринимала как долг перед погибшими товарищами и стремилась отразить в ней коллективную точку зрения. От реакции на идеологические оценки народнического движения с позиции современности Фигнер сознательно воздерживалась, имея четкое представление о том, в чем заключаются ее задачи как одного из немногих деятелей «Народной Воли», которым судьба подарила возможность донести свою «правду жизни» до потомков⁸². Книга Колосова с преувеличением роли Михайловского, не являвшегося в понимании Фигнер частью революционной среды и принижением роли Тихомирова, дальнейшая судьба которого крайне болезненно была воспринята всеми народолюбцами, оказалась для Фигнер нарушением неких предустановленных ею границ.

Положение самого Колосова в ходе дискуссии было столь же сложным и драматичным, какими были его отношения с настоящим. В «Народовольческой журналистике» он попытался собрать единую картину из своего политического опыта, любви к Михайловскому, собственных исторических разысканий и обширной народовольческой мемуарной литературы, а затем встроить свои выводы в современные исторические дискуссии. В стремлении актуализировать Михайловского Колосову пришлось опираться не на современность, а на прошлое – на историю «Народной Воли», которая, казалось, заново оживала благодаря выходявшим тогда в большом количестве мемуарам и приближавшемуся 50-летнему юбилею. Колосов то изображал из себя беспристрастного «библиографа», углубившегося в скрупулезные исследования, то снова возвращался к критике большевиков и отстаиванию эсеровских лозунгов. В отличие от Фигнер А.А. Колосов не смог сохранить автономию по отношению к «марксистской» литературе и продолжал искать место своим убеждениям в современном контексте.

Рукопись поступила: 17 июля 2019 г.

Submitted: 17 July 2019

⁷⁹ В 1890-е гг. Михайловский был одним из идейных руководителей и авторов журнала «Русское богатство».

⁸⁰ Н.С. – Партия народных социалистов.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 11 об – 13.

⁸² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 41–42.

Библиографический список

- Алаторцева А.И.* Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М.: История, 1990. С. 209–230.
- Анатольев П.* Эсеровщина в советской исторической литературе // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 128–132.
- Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5–19.
- Блохин В.В.* На переломе 1881–1904: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. М.: РУДН, 2004. 240 с.
- Блохин В.В., Милевский О.А.* «Кольцо сиротства» Н.К. Михайловского (идеолог народничества в личной жизни) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 63–80.
- Блохин В.В., Соловьев Е.А.* Н.К. Михайловский и демократическое движение в России во второй половине XIX века: политическая доктрина и деятельность (к 175-летию со дня рождения) // Былые годы. 2017. № 4. С. 1448–1449.
- Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. 233 с.
- Волк С.С.* Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 178–185.
- Зверев В.В.* Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н.К. Михайловского) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 88–112.
- Зверев В.В.* Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 3. С. 5–18.
- Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Пг.: Былое, 1923. 190 с.
- Кузьмин Д.* Народовольческая журналистика. М.: Д. Кузьмина, 1930. 284 с.
- Кузьмин Д.* Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 115–116.
- Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнера // Звенья. М.; СПб.: Наука, 1992. С. 464–465.
- Левцкий В.* Партия «Народная Воля»: возникновение, борьба, гибель. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 210 с.
- Любатович О.* Далекое и недавнее. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 144 с.
- Морозов Н.А.* Комментарии к статье М.Ф. Фроленко // Былое. 1906. № 12. С. 21–40.
- Мицкевич С.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 3–26.
- Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. 273 с.
- Прибылева-Корба А.* Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. 1925. № 6 (34). С. 80–81.
- Прибылева-Корба А.П.* Исполнительный Комитет партии «Народная Воля» и Учредительное собрание // Былое. 1918. № 4–5. С. 83–85.
- Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М.: «Academia», 2011. 560 с.
- Седов М.Г.* Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М.: История, 1965. С. 246–269.
- Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 7–53.
- Теодорович И.А.* По поводу полемики В.Н. Фигнера с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.
- Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья: из личных воспоминаний. Л.: Колос, 1925. 51 с.
- Тихомиров Л.* Тени прошлого: Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 82–96.
- Фигнер В.* Новая книга о Шлиссельбургской крепости // Былое. 1924. № 24. С. 279–280.
- Фигнер В.Н.* Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. С. 231–232.
- Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 483–484.
- Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921. С. 243–244.
- Фигнер В.Н.* По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 22–35.

- Фроленко М. Комментарий к статье Н.А. Морозова «Возникновение Народной Воли» // *Былое*. 1906. № 12. С. 30–31.
- Фроленко М. Записки семидесятника. М.: Каторга, 1927. 339 с.
- Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // *Каторга и ссылка*. 1928. № 4. С. 80–95.
- Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М.: Каторга, 1926. 222 с.
- Шереметьева Д.Л. Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // *Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны*. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 37–94.
- Шикман А. Николай Морозов: мистификация длиною в век. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
- Юнге М. Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.

References

- Alatortseva, A.I. “Diskussiya o Narodnoy vole v sovetskoj istoricheskoy nauke kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh godov.” In *Istoriya i istoriki*, 209–230. Moscow: Istoriya Publ., 1990 (in Russian).
- Anatol'yev, P. “Eserovshchina v sovetskoj istoricheskoy literature.” *Istoriik-marksist*, no. 21 (1931): 128–132 (in Russian).
- Antonov, V.F. “Narodnichestvo v Rossii: utopiya ili otvergnutyje vozmozhnosti.” *Voprosy istorii*, no. 1 (1991): 5–19 (in Russian).
- Blokhin, V.V. *Na perelome 1881–1904: N.K. Mikhaylovskiy v ideyno-politicheskoy bor'be v 80–90-ye gody XIX veka*. Moscow: RUDN Publ., 2004 (in Russian).
- Blokhin, V.V., and Milevskiy, O.A. “«Kol'tso sirotstva» N.K. Mikhaylovskogo (ideolog narodnichestva v lichnoy zhizni).” In *N.K. Mikhaylovskiy: chelovek, myslitel', obshchestvennyy deyatel'*, 63–80. Voronezh: VGU Publ., 2017 (in Russian).
- Blokhin, V.V., and Soloviev, E.A. “N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday).” *Bylye Gody*, no. 4 (2017): 1448–1449.
- Charushin, N.A. *O dalekom proshlom*. Moscow: Katorga Publ., 1926 (in Russian).
- Figner, V.N. “Novaya kniga o Shlissel'burgskoy kreposti.” *Byloye*, no. 24 (1924): 279–280 (in Russian).
- Figner, V.N. “Poslesloviye.” In *Kuz'min D. Narodovol'cheskaya zhurnalistika*, 231–232. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1930 (in Russian).
- Figner, V.N. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1929 (in Russian).
- Figner, V.N. *Zapechatlennyy trud*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1921 (in Russian).
- Figner, V.N. “Po povodu zapisok L. Tikhomirova.” In *Vospominaniya L'va Tikhomirova*, 22–35. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1927 (in Russian).
- Frolenko, M. “Kommentarii k stat'ye N.A. Morozova «Vozniknoveniye Narodnoy Voli.»” *Byloye*, no. 12 (1906): 30–31 (in Russian).
- Frolenko, M. *Zapiski semidesyatnika*. Moscow: Katorga Publ., 1927 (in Russian).
- Frolenko, M.F. “Popytka osvobodzheniya Voynaral'skogo 1 iyulya 1878 g. (po povodu «Vospominaniy» L. Tikhomirova).” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1928): 80–95 (in Russian).
- Kolosov, Ye.Ye. *Sibir' pri Kolchake*. Petrograd: Byloye Publ., 1923 (in Russian).
- Kuz'min, D. *Narodovol'cheskaya zhurnalistika*. Moscow: D. Kuz'mina Publ., 1930 (in Russian).
- Kuz'min, D. “Gazeta «Narodnaya Volya» i yeye redaktory.” *Katorga i ssylka*, no. 1 (1932): 115–116 (in Russian).
- Leont'yev, Ya.V., and Yur'yev, K.S. “Nezapechatlennyy trud: iz arkhiva V.N. Figner.” In *Zven'ya*, 464–465. Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- Levitskiy, V. *Partiya «Narodnaya Volya»: vozniknoveniye, bor'ba, gibel'*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izd-vo Publ., 1928 (in Russian).
- Lyubatovich, O. *Dalekoye i nedavneye*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1930 (in Russian).
- Morozov, N.A. “Kommentarii k stat'ye M.F. Frolenko.” *Byloye*, no. 12 (1906): 21–40 (in Russian).
- Mitskevich, S. “Russkiye yakobintsy.” *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 6–7 (1923): 3–26 (in Russian).
- Olitskaya, Ye. L. *Moi vospominaniya*. Frankfurt am Main: “Posev” Publ., 1971 (in Russian).
- Pribyleva-Korba, A. “Mnimoye pis'mo Iсполnitel'nogo Komiteta ‘Narodnoy Voli.’” *Byloye*, no. 6 (1925): 80–81 (in Russian).

- Pribyleva-Korba, A.P. "Ispolnitel'nyy Komitet partii «Narodnaya Volya» i Uchreditel'noye sobraniye." *Byloye*, no. 4–5 (1918): 83–85 (in Russian).
- Repnikov, A.V., and Milevskiy, O.A. *Dve zhizni L'va Tikhomirova*. Moscow: Academia Publ., 2011 (in Russian).
- Sedov, M.G. "Sovetskaya literatura o teoretikakh narodnichestva." In *Istoriya i istoriki*, 246–269. Moscow: Istoriya Publ., 1965 (in Russian).
- Sheremet'yeva, D.L. "Politicheskiye vzglyady Ye.Ye. Kolosova v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – yanvar' 1920 g.)." In *Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoj vojny*, 37–94. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2012 (in Russian).
- Shikman, A. *Nikolay Morozov: mistifikatsiya dlinoyu v vek*. Moscow: Ves' mir Publ., 2016 (in Russian).
- Teodorovich, I.A. "Istoricheskoye znachenije partii 'Narodnoy Voli'." *Katorga i sсыlka*, no. 8–9 (1929): 7–53 (in Russian).
- Teodorovich, I. "Po povodu polemiki V.N. Figner s Ye. Kolosovym." *Katorga i sсыlka*, no. 1 (1932): 5–104 (in Russian).
- Tikhomirov, L. *Plekhanov i yego druž'ya: iz lichnykh vospominaniy*. Leningrad: Kolos Publ., 1925 (in Russian).
- Tikhomirov, L. "Teni proshlogo: Stepan Khalturin." *Katorga i sсыlka*, no. 4 (1926): 82–96 (in Russian).
- Vakhrushev, I.S. *Oчерки istorii russkoj revolyutsionno-demokraticheskoj pečati 1873–1886 godov*. Saratov: Saratov University Publ., 1980 (in Russian).
- Volk, S.S. "Pis'mo IK «Narodnoy voli» k zagranichnym tovarishcham." In *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu*, 178–185. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Yunge, M. *Revolyutsionery na pensii: Vsesoyuznoye obshchestvo politikatorzhan i sсыlnoposelentsev: 1921–1935*. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2015 (in Russian).
- Zverev, V.V. "Ideal, no ne idol (sotsialisticheskaya doktrina N.K. Mikhaylovskogo)." In *N.K. Mikhaylovskiy: chelovek, myslitel', obshchestvennyy deyatel'*, 88–112. Voronezh: VGU Publ., 2017 (in Russian).
- Zverev, V.V. "The image of reformative populism (narodnichestvo) in Russian historiography from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21st." *RUDN Journal of Russian History* 8, no. 3 (2009): 5–18 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Шемякина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева.

Olga V. Shemyakina, Senior Lecturer at the Department of History and Politology of Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia.